

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ В СВЕТЕ ВОЗЗРЕНИЙ СЛАВЯНОФИЛОВ

В славянофильской рефлексии русская культура глубоко отличается от западноевропейской и тем самым обречена на особый путь. Соответственно вопрос о преемственности социокультурной традиции ставился ими всегда остро. Обеспокоенность славянофилов возможностью прерывания традиций созвучна и нашей современности. Несмотря на несомненную самобытность, современное поколение испытывает время беспрецедентного распада традиции. Будучи погруженным в виртуально-сетевое пространство, пользователь Интернета начинает с трудом формировать собственные убеждения и модели поведения.

Понятие традиции многомерно. Со времен отечественной историографии укрепилось понимание традиции в русле культурологической школы Э. С. Маркаряна. Традиция рассматривается как информационная характеристика культуры, как «выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной передачи аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах»¹. В западной литературе авторитетно исследование Э. Шилза, в котором традиция представлена широко, как всякое прошлое, способное воспроизводиться из поколения в поколение. «Культурная традиция включает в себя все, чем общество данного времени обладает, и тем, чем обладало ранее», – постулирует американский теоретик².

В обеих интерпретациях культурная традиция рассматривается подвижно, пластично. Преемственность культурной традиции – это процесс накопления и перетекания старого опыта в новый (консервативная составляющая), а также процесс аккумуляции нового в прежнем контексте и перенос его в новый контекст (креативная составляющая). Вопрос о преемственности социокультурной традиции как в классическом славянофильстве (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков), так и в его позднем варианте (Н. Я. Данилевский) решался в плоскости оценки реформаторской деятельности Петра I. Исследовательский интерес русских мыслителей вызывали два ключевых вопроса: «Какова была дистанция отставания России от западного мира к моменту реформ Петра I и в чем содер-

¹ *Маркарян Э.С.* Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М., 1983. С. 153.

² *Shils Ed.* Tradition. Chicago: The University of Chicago Press, 1881. P. 12.

жательно это выражалось?», «В какой мере реформы Петра I способствовали преемственности русской национальной традиции и в какой разрушали?».

Отвечая на первый вопрос о культурном отставании, славянофилы признают, что Россия отстает от Запада в развитии знаний, науки, искусства, в экономике и военном деле. Так, Хомяков констатирует, что Россия «отстала от своей Западной братии в развитии вещественного знания, в усовершенствованиях науки и искусства»¹. Киреевский в попытке объяснить причины очевидного для него отставания России, приходит к выводу, что всему виной раздробленность на не связанные духовно уделы, которая приводит к тому, что на несколько веков страна «подпала владычеству Татар, на долгое время остановивших ее на пути к просвещению»². Таким образом, славянофилы, несмотря на закрепившееся за ними представление об их отрицательном отношении к «перевороту Петра», признают, что реформы начала XVIII века были вызваны культурно-исторической необходимостью, предопределившей выбор в пользу революционных методов преобразований, что процесс заимствования ряда прогрессивных западных культурных образцов, с точки зрения преемственности накопленного соседней культурой опыта, был полезен для дальнейшего общественного развития России. Размышляя подобным образом, славянофилы соглашались со своими традиционными оппонентами-западниками – России необходима была скорейшая модернизация, т. к. ее отставание в военной сфере, развитии промышленности, торговли, отсутствие дорог и транспортных средств, чреватые потерей независимости.

Спустя столетия Данилевский подтвердит позицию своих предшественников, соглашаясь, что историческая ситуация вынуждала Петра прибегнуть к «тяжелой операции», болезненным для общества реформам, т.к. ни преданность отечеству, ни патриотизм не могли заменить тех технических усовершенствований, которые «сделали из кораблестроения, мореплавания, артиллерии, фортификации... настоящие науки», потребности государственной обороны, сделались столь сложными, что появился запрос на образованных отечественных специалистов, «всецело преданных военным целям»³. Мыслитель резюмирует, что у Петра не было времени следовать «медленному естественному процессу просвещения, основан-

¹ Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 1. С. 12.

² Киреевский И.В. Деятнадцатый век // Киреевский И.В. Полн. собр. соч. М., 1911. Т. 1. С. 100.

³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2008. С. 316.

ному на самородных началах»¹.

Ответ на второй вопрос о том, в какой степени реформы Петра I способствовали преемственности русской национальной традиции и в какой разрушали, выглядит более нюансированным и неоднозначным. Хрестоматийно отражена в любом вузовском учебнике критическая оценка славянофилов революционных методов преобразовательной деятельности Петра I. Вслед за Хомяковым славянофилы определяют реформы как «переворот», суть которого состоит в отрыве русского человека от почвы от родных корней, отказе от национальной традиционной основы². Совершая «переворот» русской жизни, Петр I ошибался в средствах, которые носили характер преимущественно насильственный, односторонний, отвлеченный от национальных реалий. Для формирования и развития самобытной национальной культуры предпочтителен был бы не революционный, а эволюционный путь развития. В таком случае русская культура, базируясь на национальной традиции, стала бы «необходимым следствием нашего внутреннего развития», «плодом нашей прежней жизни» (Киреевский)³, а не «привитой образованностью» (Хомяков)⁴.

Однако за такой критической оценкой скрывается и другой немаловажный факт – признание полезности реформ Петра I. Обычно этот факт остается в тени риторики о славянофилах. Между тем, славянофилы понимали, что прошлое не было ликвидировано полностью, что традиции прошлого сохранились, в частности, в традиции семьи, в организации школы, в способах хозяйствования и администрирования. Социальные и культурные образцы такого прошлого не только не были разрушены реформами Петра I, но и отчасти символизировали преемственность социального порядка. Хомяков, отмечая, что средства, которыми пользовался Петр I, были «грубые и вещественные», все же признает и положительную роль реформ: «Много ошибок помрачают славу преобразователя России, но ему остается честь пробуждения ее к силе и к сознанию силы»⁵.

Говоря о преемственности и разрыве социокультурной традиции в ключевых реформах Петра I, славянофилы базируются на двойственном понимании прошлого. С одной стороны, прошлое понимается ими как череда и последовательность произошедших событий,

¹ Там же. С. 317.

² Хомяков А.С. Об общественном воспитании в России // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 1. С. 352.

³ Киреевский И.В. Десятнадцатый век. С. 97.

⁴ Хомяков А.С. Мнение русских об иностранцах // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 1. С. 46.

⁵ Хомяков А.С. О старом и новом. Статьи и очерки. М., 1988. С. 54.

действий, оставляющих после себя материальные и социальные образцы культуры. И здесь славянофилы вынуждены согласиться с исторической обусловленностью реформ. С другой стороны, для них существует гораздо более пластичное прошлое, то прошлое, которое запечатлено в памяти поколений и по-разному ими воспринимается. Отсюда проистекает и главная претензия славянофилов к реформам Петра I. В их толковании, реформы породили людей, которые стали забывать национальные традиции в своем увлечении западными культурными образцами жизни.

Именно поэтому Аксаков говорит о том, что реформы раскололи общество на две неравные части: «публику» и «народ»¹. Каждая группа стала жить своей жизнью, создавать и потреблять свою культуру. «Публика» (дворяне) стала отказываться от национальной традиции, пошла по пути копирования всех аспектов европейской жизни. В своем желании сделать Россию частью западноевропейской цивилизации она впала в «европейничание», стала относиться с презрением, а порой и ненавистью, ко всему народному, традиционному, стала смотреть на русскую реальность «сквозь европейские очки»². По-ученически увлекшись подражанием, представители дворянства не развивали способность к самостоятельному критическому осмыслению знаний. Аксаков, оценивая эту ситуацию, пишет, что дворяне «усердно, слепо, верно повторяли все мысли и даже чувства Европы задним числом и всегда, разумеется, оставались позади, потому что шли путем не народным», не самобытным, а «путем обезьяны», подражающей бессознательно³. Киреевский высказывает созвучные мысли, говоря о том, что «безусловное пристрастие к западной образованности и безотчетное предубеждение против русского варварства», заслоняли от дворянства «разумение России»⁴. В противовес «публике», «народ» видится Аксакову единственным носителем традиционных ценностей, продолжающим выполнять охранительную функцию, строит свою жизнь в духе православной традиции, аккумулируя ее и транслируя от поколения к поколению. Однако он не просвещен и не образован, поэтому также, как и оторвавшаяся от своих корней дворянская элита, не способен обогащать традицию.

Данилевский высказывает сомнение в том, что организм русской культуры не пострадал от неумелого заимствования и сохра-

¹ Аксаков К.С. Взгляд на русскую литературу с Петра Первого // Аксаков К.С. Статьи и речи. М., 2012. С. 152.

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 345.

³ Аксаков К.С. Взгляд на русскую литературу с Петра Первого. С. 153.

⁴ Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Киреевский И.В. Полн. собр. соч. М., 1911. Т. 1. С. 180.

нит самобытность. Мыслитель отмечает, что Петр I, осуществляя реформы с целью сделать Россию частью западноевропейской цивилизации, исходил из заведомо ложных постулатов: уверенности в тотальном превосходстве, вечном лидерстве Европы и, как следствие, необходимости полного копирования всех аспектов европейской жизни. Оценивая позитивно военные, промышленные и административные реформы Петра, Данилевский критически отзываясь об изменениях в быте, нравах, и обычаях, нанесших «величайший вред будущности России». Он уверен, что преемственности национальной традиции угрожает сформировавшееся и закрепившееся в результате реформирования в общественном сознании представление об «иностранных формах жизни», как высококультурных, а традиционно русских, как «низких и простонародных»¹. Такое представление является симптомом поразившего русское общество «европейничанья» – болезни, вынуждавшей реформаторов разных поколений отказываться от национальной традиции и заимствовать инородные, путем прямого копирования без их трансформации и переработки согласно местным реалиям и исторической ситуации.

Славянофилы резюмируют, что механическое подражание западным образцам нанесло существенный вред русской культуре, поскольку некритическое заимствование не развивало усвоенные западные традиции, а искажало их, придавая подражательную форму. Внешнее воздействие, нарушившее традиционный уклад русской жизни, и последующее механическое «европейничание» высших слоев общества – все это, по мнению Хомякова, «заковывает страстью к подражанию» свободу мысли русского человека, лишает его творческих способностей². В силу этого славянофилы убеждены в необходимости сохранения преемственности социокультурной традиции. Современная им Россия нуждается в реформировании социального порядка, базирующемся на усвоении отечественной традиции и критическом переосмыслении заимствованных культурных форм западной цивилизации. Разрыв традиций, наметившийся в ходе петровских реформ, славянофилы предлагали остановить способами, выработанными в духе мыслителей европейского Просвещения – учиться критически мыслить, накапливать знания, воспитывать молодое поколение, умеющее ценить свои национально-исторические корни.

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 319

² Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России. С. 12.